



ПЕТР ПЕТРОВИЧ  
КОТЕЛЬНИКОВ

**МЫ РОДУ  
ПРАВОСЛАВНОГО**

КОТЕЛЬНИКОВЫ

Петр Котельников

**Мы роду православного.  
Котельниковы**

«Издательские решения»

## **Котельников П. П.**

Мы роду православного. Котельниковы / П. П. Котельников —  
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830471-2

Многие выходцы из крестьян достигали высокого положения в обществе и становились известными всему миру, к примеру, Ломоносов, генерал Деникин. Крестьянский род, из которого вышел автор книги, произвёл на свет военачальников, изобретателей, врачей, учителей... Жили и активно действовали люди нашего рода в тяжкие, переломные годы в истории нашей страны (Первая и Вторая мировые войны, революция, гибель Российской империи и Советского Союза). Об этом говорит книга — «Мы роду православного».

ISBN 978-5-44-830471-2

© Котельников П. П.  
© Издательские решения

# Содержание

Вступление	6
Конец ознакомительного фрагмента.	23

**Мы роду православного  
Котельниковы  
Петр Петрович Котельников**

© Петр Петрович Котельников, 2016

*Редактор* Олег Петрович Котельников

ISBN 978-5-4483-0471-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## Вступление

Трудно установить предков, когда они занимали одно и то же положение – крепостные и отличались друг от друга тем, что одному жилось легче, а другому хуже, и зависело это только от характера помещика. Ничего личного у них не было, и ничего своим потомкам они не оставляли, даже отчества. Исключение составляли те, кто обладал исключительным врожденным необычайным талантом при условии, что помещик заметил и развил его. А сколько талантов не раскрылось? К талантам относились художники, музыканты, актеры. А математики, литераторы и т. д. Где они? Не менее трудно построить генеалогическое дерево государственному крестьянину, который имел волю и мог передвигаться по стране, естественно в определенных пределах. Мы, православные, в отличие от многих народов не уделяли внимания памяти предков. Я попытаюсь это сделать на основании устных данных. К сожалению никаких письменных доказательств у меня нет...

Надел земли, изба и двор,  
Но он – не дворянин;  
Соха есть, лошадь и топор,  
Но он не господин.

Каков он с виду? Великан  
С широкой грудью малый,  
Иль юркий тощий «таракан»  
Мал ростом, с грудью впалой?

Что делал он, о чем просил,  
Когда молился Богу?  
Задавлен жизнью и без сил,  
Сгибался понемногу?

То там, то там себя терял,  
С судьбой сражался тяжело,  
И, наконец, цветком завял,  
Шел в мир иной, бедняжка.

Есть на карте России Курская область, а на Западе ее имеется небольшой, но древний город Рыльск. От него, в 12 км. к юго-западу находится село Жадино. Оно же находится и в 12 км от ж/д. станции Коренево. В этом селе и родились все наши предки. Все они были крестьяне древних русских корней. Село имело изломанную линию, поскольку все добротные земли отводились под пашню, а под дома и огороды, земельку похуже. Источником водоснабжения было несколько колодцев, но главным – довольно крупная река Сейм. Село находилось в излучине реки, а прямо напротив располагался остров, называемый сельчанами – «Зарека»

В излучине Сейма есть остров большой,  
По местному звали «Зарекой»,  
Поросший березой, высокой сосной,  
Угрюмо встречал человека.

На нем и озера чуть больше пруда,

Глубины по грудь и по шею,  
Но живности мелкой в нем много всегда —  
Ловить мужики не умеют.

Вот только бы «бреднем» по ним поводить,  
Кормя комаров да пиявок.  
На берегу рыбу на кучи делить:  
Улов, как всегда мал и жалок.

Плотва, мелкий карп, ну, а то – караси.  
Потом долго сушат одежду.  
Улова большого у Бога проси,  
Но скуп, как бывало и прежде.

А дома за стол, все усядутся в ряд —  
С рыбешкой пирог, да капустой,  
Три стопочки водки «потянут» подряд,  
Нет больше спиртного – не густо.

Потом разговоры... Идет похвальба,  
Сказанья, былины, да сказки.  
В махорочном дыме тонула изба,  
Дремлю я, закрыв свои глазки.

Весна... Что может быть лучше этого времени года, когда все пробуждается от долгого сна, сами руки тянутся к работе! Я описываю, как это проходило в моем селе.

Левый берег реки низок, топок всегда,  
В половодье его заливают,  
Взгляд окинет пространство, а всюду вода...  
Ждет деревня – она убывает.

Зори ясны, чисты и светлы небеса,  
Высоко в небе птицы, как точки,  
Лес наполнился шумом, звенят голоса,  
И деревья покрыли листочки.

Цвет зеленый, но слабый, да и липки они,  
Силу с каждым деньком набирают,  
Жизнь, проснувшись, бушует и ночи и дни...  
Днем деревня молчит, замирает.

Запарила земля, живность вся за селом,  
Гуси ходят, коровы пасутся;  
Подметают дворы старики помелом,  
Петухи меж собою дерутся.

За селом – пахота, поднимают пары,  
Пласт за пластом землянка ложится.

И работы для всех, в том числе, детворы —  
Все до пота здесь будут трудиться.

Берег правый высок, и достаточно крут,  
Есть ступеньки, чтоб легче спускаться.  
Осторожность нужна необычная тут —  
Нет перил, чтоб за них удержаться.

Но привыкли селяне к ступенькам своим.  
(Может, в год раза два и поправят)  
Босиком и, не глядя, сбегают по ним,  
Хоть, создавшего их и не хвалят.

Змейкой улица вьется, дома в два ряда —  
Кособоки, прямые, под соломой —  
И на улицу окна слеповато глядят,  
Огород тут же рядом, за домом.

Там растут огурцы, да картошка растет,  
Помидоры, да лук, рдеют маки,  
Коль по улице редкий прохожий идет:  
Долго лают шальные собаки.

Расширяется улица – выгон широк,  
Церковь стройная, золотом крест,  
От неё в стороне – перекресток дорог,  
Собираются люди окрест.

А чуть-чуть в стороне виден крохотный сад.  
Огород мал, накроешь ладошкой.  
Спрятал в зелени роз свой нелепый фасад  
Дом с одним невысоким окошком.

Есть еще три окна, но они не видны,  
Все на юге, от северных ветров,  
Сохранил этот дом все следы старины —  
Серый, словно посыпанный пеплом.

Деды здесь родились, дядьки, тетки и мать,  
Ну, а бабушка – Анна Белова,  
Верст за двадцать отсюда, или двадцать пять,  
То ж название села слово в слово.

Дворовые все стали Беловы:  
Дворовые все стали Беловы,  
Только клички были Ванька – сволочь, да Пров,  
Дуньки, Маньки, а проще – «коровы».

«Отведите корову, дайте десять плетей,

Чтобы знала, как спать за работой!»  
Били женщин, мужчин, били малых детей,  
Крут порядок – вот вся и забота.

Прапрадед по матери мне неизвестен. Род отличался исключительной долговечностью. Мой прадед Мелихов Василий Григорьевич, государственный крестьянин, ни год рождения, ни год смерти неизвестны. Проживал в селе Жадино, малоземельный. Его сын, мой дед – Мелихов Максим Васильевич, предположительно 1820 года рождения, был пострижен в рекруты 22 лет от роду. Он был единственным сыном в многодетной семье. Такие, как правило, в царской армии не служили. А этого забрали... И вот почему...

...В соседнем селе жил обедневший помещик, отставной майор. Причиной отставки послужила глупость (причина глупости не известна) У этого майора было трое детей, два сына – умные, и дочь – с врожденной глупостью. В дворянском обществе выдать девушку с таким дефектом было невозможно. Решили выдать за того, кто ее возьмет, не взирая на сословие. И бедная крестьянская семья польстилась на приданое, 500 рублей. Максима, в 19 лет насильно женили на дочери майора, С нею он прижил троих детей, два умных сына, один – глупый, Таким образом, наследственная болезнь повторилась в двух поколениях. Ненавидя жену, Максим постоянно убегал от нее, скитался. Родители паспорта ему не давали, поэтому по их заявлению его находили и возвращали к семье по этапу, т.е. пешком, в сопровождении работника полиции. Во сколько это обходилось, я не знаю. Вестимо одно, деньги 500 рублей были израсходованы, а дефективная жена сына, с дефективным внуком остались. После очередного побега было решено – взять его в рекруты!

Запродали молодца, запродали,  
Беднота была без края, что поделать!  
На селе еще такого не видали,  
Чтоб крестьянин от семейства стал так бегать.

Приведут его, детину, по этапу,  
Ну, немножко постегают тело плетью,  
А потом пускай орудует лопатой,  
Или рыбу ловит в Сейме малой сетью.

А он, дурень, мирной жизни не желает,  
На жену свою косится серым волком,  
А она ему детишек рожает —  
Только это ни к чему, нету толка.

Ну, подумаешь, неважно с головою:  
Остальное, что у женщин, все, как надо,  
Ведь стояли оба в церкви у аналоя,  
Не сказал тогда ни слова, будто рад он.

Что ни год, а он бежит из деревни,  
А жена его ревет, как белуга,  
То найдут его далече, аж под Тверью,  
То отыщется в трактире, под Калугой.

Лоб забрили молодцу, лоб забрили,

Пусть поест солдатской каши, тянет ляжку.  
Четверть века пробежало... И забыли,  
А он утречком вернулся, спозаранку.

Так он и оказался на военной службе и прослужил 25 лет, ни разу не побывав в семье. Для дочери майора он тоже был потерян. Мне неизвестна судьба его детей от того брака, в какой-то степени являющихся нашими родственниками. Известно, что они тоже носили фамилию Мелиховых. Прадед мой, Василий Григорьевич, зная, что больше ему не повидаться с родным сыном, пал на землю и рвал не себе волосы. Увидеть сына ему так и не пришлось – умер он незадолго до его возвращения. В семье поговаривали, что вина неудачной женитьбы лежала на совести его матери, очень волевой женщины.

Как он служил, мне не известно, хотя, из рассказов моей бабушки, его жены, последние десять лет службы проходили как нельзя лучше.

На службе всякое бывало,  
И все же тяжкая она,  
Про дом Максим не забывает,  
(Желанной кажется и глупая жена)

Максиму повезло еще,  
Суровый унтер, справедливый,  
Не ставил на ночь «под ружье»,  
Зад не стегал ему крапивой.

И обучающие были хоть куда —  
Полковник справедлив, хоть строг,  
Текли солдатские денечки, как всегда,  
Напоминая чем-то карцер и острог.

Сметлив Максимка, ох сметлив!..  
И к доктору его поставили,  
Тот не жалел ни разума, ни сил,  
От Бога доктор был, не от лукавого.

И грамоте учил, и перевязкам,  
Максим ловил и ртом и ухом слово!  
И скоро сам лечил (не по подсказке),  
Экзамен сдал, стал фельдшером готовым.

Будучи военным фельдшером, ему приходилось оказывать помощь не только офицерам, но и членам их семей. Каждый такой визит заканчивался вручением стопки водки, или коньяка на подносе, бутерброда на закуску и денег, которые мой дед брал молча, не благодаря за подносимое. Но денег больших дед за такую практику не получил, и, вернувшись к гражданской деятельности, нередко испытывал острый недостаток в деньгах. Отличался от односельчан правильностью речи, одеждой (ходил в сюртуке, на голове фетровая шляпа, в руке – трость) Пришел из армии в возрасте 47 лет, весь седой с длинной седой бородой. Пытался заниматься лечебной практикой, но под угрозой проклятия матери (та была против этого намерения) он оставил ее. Возраст для женитьбы с целью создания семьи был предельный. Жених был крайне разборчивый, перебрал много невест, но ни на одной не остановил внимания. Как-то, случайно,

он приехал в с. Некрасово, Рыльского уезда, в дом своей близкой родственницы (он ее потчевал микстурами по случаю болезни) и вдруг увидел то, что так долго искал. Родственнице во время болезни помогала девушка 17 лет, необычайной красоты и скромности. Этой девушкой и была Белова Анна Евгеньевна, в замужестве Мелихова) Как она плакала, как она не хотела выходить за старика – но кто тогда считался с желанием невесты. Жених посватался, родители невесты дали согласие,

Бракосочетание происходило в селе Пушкарное, вблизи Жадино, потому, что на ту пору в селе не было самостоятельного церковного прихода. В приданое за невестой было дано: корова, десяток овец и деньги для приобретения лошади

Авдотья истопила печь,  
Готово тесто, на подходе,  
Вдруг гость пришел, заводит речь,  
Пора б идти – он не уходит.

Тому причина: у стола:  
Статна красавица, румяна,  
Рукою тесто подняла...  
Гость смотрит на нее упрямо.

Трудилась и смущалась дева,  
Взгляд гостя чувствует спиной...  
Оставить тетушку хотелось,  
И поскорей уйти домой.

Не так, как все кругом, одет,  
Сюртук приталенный и тесный,  
Рубашка, галстук (черный цвет),  
(Конечно, он не деревенский).

Седой, как лунь, и борода  
Почти до пояса, лопатой,  
Но прям и строен, как солдат,  
Похоже, им он был когда-то.

Так неприятен его взгляд,  
Он обволакивает, липкий,  
Зубов чуть пожелтевших ряд  
Открыл в насмешливой улыбке.

Работа кончена, сбежала,  
Простившись с гостем кое-как,  
И так стремительно бежала,  
Подняв на ноги всех собак.

Вот день прошел, и ночь прошла,  
А через день явилась сваха...  
Семья к решению пришла,  
Судьба дает не вертопраха.

Жених и грамотный, и лекарь,  
(С таким она не пропадет).  
Что борода белее снега?  
Так уважение, почет!

Как только плакала она!  
В ногах у бабушки валялась!  
Сосватана и продана —  
Что делать, бедненькой, осталось?

Венчанье в церкви – жарко, душно.  
Между лопаток струйки пота,  
Ведет священник свою службу,  
То там, то та возникнет шепот.

«Ах, как красивая она!»,  
«За старика идет, бедняжка!»  
Теперь не девушка она,  
И на душе тоскливо, тяжело.

Она их слышит – сердцу больно,  
Невольница обречена,  
И слезы на глазах невольно...  
Она – несчастная жена!

Таких – немало на Руси,  
Числа и счету бедным нет,  
Судьбу свою не упробить,  
Чего-то ждет, а счастья не

Потом все свыкнется, притрется,  
«Притирку» – назовут семья,  
Рождает жизнь и с жизнью бьется —  
Есть дочери и сыновья.

Она их кормит, им и служит,  
Она и мать, она – жена,  
За это благодарна мужу,  
Хоть жизнь ее и не видна.

Остановлю внимание на прапрадеде – Белове Василии, уроженце села Белово Рыльского уезда. Он был крепостным помещика Белова, родственника князя Барятинского, владевшего немалыми земельными наделами в Курской губернии. Естественно, судьба любого крепостного зависела от воли и настроения помещика, Правда к тому времени прапрадед получил вольную, но не его дети.

Вся дворня бита и порота,  
(Пороли мужиков и баб)

Закроет наглухо ворота,  
Лютует много дней подряд.

Охоч до девок, Ох, охоч,  
Проводит с девкой вечер, ночь,  
Потом она ревет белугой...  
Такие, брат, у нас дела,  
Не избежать плетей и блуда!

Все Беловы отличались завидным долголетием, ни один из них не умер в возрасте ранее 100 лет. У прапрадеда было четыре сына и одна дочь. Все они были дворовыми сапожниками, шили обувь многочисленной дворне. Вторым, по возрасту сыном был калека, он жил с отцом. Старшего сына Степана взяли в ратную службу. Воевал на Кавказе и был там убит. За сына прапрадеду было выплачено двести рублей, они были помещены в банк. О судьбе их скажу ниже. А сейчас:

У вольных тоже нету воли,  
Обычай есть и ритуал,  
Он, ненавидимый, до боли,  
Убил кого-то, обокрал.

Знакомы впадина и выступ,  
Знакома каждая тропа,  
Увел в полон, отдал за выкуп  
На деньги обменял раба.

Чечня – его родимый дом,  
Иного горец и не просит,  
Есть сакля, горный склон,  
И случай есть – беду уносит.

Куда не глянешь -горы, горы,  
Границей служит буйный  
Терек,  
Войною здесь решают споры,  
И часты буйные набеги...

Разбой, набеги – не забава,  
Без них тут просто не прожить,  
Как прокормить детей ораву?  
Аллаху ревностно служить?

Здесь нет клочка земли свободной,  
Здесь хлеб не сеют и не жнут.  
Ограбят здесь кого угодно,  
Но, друга тут не предадут.

Коль в доме гость – большая честь,  
Здесь в доме гостя не обидят,

Тут кровная гуляет месть,  
Здесь слышат все и все здесь видят.

Пугают им детей армяне,  
Детей пугает им грузин:  
«Чечен придет, чечен – обманет!»  
Он – темной ночи господин.

Подкрадется, его не слышно,  
Одно мгновенье – легкий вскрик,  
Лишь только лист чуть-чуть колышет,  
И головою враг поник...

Иного он и не умеет,  
Родные – сабля и кинжал.  
Отлично ими он владеет,  
И ловко прячется меж скал.

Не знаю правых на войне,  
На ней и левых я не знаю,  
Война все злое на земле,  
В нем безответных убивают!

На ней убит был и Степан —  
Крестьянин из села Белово,  
Ответ такой родным был дан,  
А что и как? – о том ни слова!

Его послали на Кавказ,  
(Шли долго, ехали телеги)  
О нем он слышал много раз,  
Но, где находится, не ведал.

Он дрался, как дерутся все,  
Когда гуртом – лишился страха,  
Сегодня русского – успех,  
А завтра – воинов Аллаха!

Стоял вчера большой аул —  
Картечью нынче расстреляли,  
Горит земля, да слышен гул,  
Да крики гнева и печали...

Он убивал, колол и бил,  
Таков был отдан им приказ,  
А сколько осталось могил,  
Будь проклят тот Кавказ!

И так, деньги были положены в банк, под проценты и у отца убиенного хранилась книжка. Старик берег деньги для сына-калеки с тем, чтобы после его смерти деньги получил тот, кто будет «доглядывать» его. Прошло совсем немного времени и пришло освобождение от крепостного права. Свобода пришла, а земли нет. У дворовых ее не было, а помещик ею своих дворовых не наделил. Мой прадед по матери, Белов Евгений Васильевич сразу отделился от братьев, купил себе усадьбу, усадьба – крохотная, но своя: 5х10 сажений, построил домик. На огороде сажали только картошку, на другие овощи земли не хватало, не было и пахотной земли. У Евгения Васильевича было три сына и две дочери. Не стану останавливаться пока на судьбе детей, а вернусь к прадеду, Евгению Васильевичу и его братьям и сестре. Сестру Авдотью выдали замуж в село Некрасово. Младшего брата Николая Васильевича Белова призвали на военную службу и направили на Русско-Японскую войну, и погиб он при сражении под Мукденом. Как это произошло неизвестно, как неизвестна гибель огромного числа солдат. Теперь за смерть воина семья ничего не получила. Где их взять, коль число погибших так велико, что и казны царской не хватит?

Слова то, какие: Мукден, Порт-Артур  
(В России таких не слышали,  
Теперь и в деревне не сыщется дур,  
Которые их бы не знали.

«Да, что там японцы, – кричали повсюду, —  
Мы шапками их закидаем!»  
Об этом твердили российскому люду,  
На Дальний Восток провожая...

Вагоны снарядов, вагоны иконок,  
Нательных крестов и орудий,  
Чтоб в веру принять японцев, японок,  
И иже, кто с ними прибудет.

Потом все узнали, что там не все гладко —  
Ряды наши косят шимозы.  
А наша пехота, да наши лошадки  
Не гордость даруют, а слезы.

Эскадра в Артуре, эскадра в Цусиме,  
Средь них был родной нам и близкий,  
Белов Николай, (таково его имя),  
Российский солдатик из Рыльска.

К этому времени прапрадед Белов Василий скончался. Жена покойного и его сестра, скрытно ото всех, наняли адвоката, дали ему доверенность на все деньги, лежащие в банке за погибшего на Кавказе Степана. Он их получил, половину взял себе, половину дал своим клиентам.

А на Руси, как на Руси,  
Тому неси, тому неси,  
Неси чиновнику, другому,  
Неси последнее из дома.

И сколько ты их не проси,  
Звучит одно: «Неси, неси!»

Полагаю, не без оснований, что в этом был замешан и мой прадед Евгений Васильевич, так как после этого его дела пошли в гору построил сапожную мастерскую, набрал 8 учеников и подмастерьев, среди них были и два его сына.

Когда калека пытался вернуть деньги, оказалось это невозможным. Он не простил обидчиков, проклял их и никогда не приближался к их домам. Мой прадед ходил на богомолье, часто посещал церковь, истово молился Богу. Умирая, роздал всем детям и внукам по десяти рублей золотом, с учетом многочисленности их, сумма была огромной по крестьянским меркам. И очень жалел, что смерть не дала ему возможности лично подшить валенки свату. Простил ли Господь ему тяжкий грех, обмана калеки? Думаю, нет... Белова Аграфена, жена прадеда, обделила свою дочь Анну (Евгеньевну), не дав ей золотой десятки, сказав: «Сколько ей не давай, все ей мало будет! Вот умру, все вам останется!» Кому конкретно и сколько, она не говорила. Умерла неожиданно (паралич). Зная, что у матери оставались деньги, и не малые, дети стали искать... Перерыли весь огород, разломали дом и перестроили его, но денег так и не нашли – как в воду канули. Представьте, сколько проклятий прозвучало в адрес покойной, сколько смертных грехов было рождено этим?

Всегда наследство алчность будит:  
Коль есть наследники, решение прими —  
Никто тебя за это не осудит —  
В покое проведешь оставшиеся дни.

Будьте заботливы – отец иль мать,  
Не делайте детей своих врагами.  
Добром по смерти будут поминать,  
Когда меж ними все разделите вы сами!

Продолжаю далее историю рода моего по материнской линии. Я закончил свое повествование – свадьбой между Максимом Васильевичем (моим дедом) и Беловой Анной Евгеньевной (бабушкой) Бабушка была абсолютно неграмотной, но невероятно красивой женщиной (со слов тех, кто ее знал) Максим Васильевич после женитьбы хотел перебраться в г. Рыльск, где ему, как фельдшеру, предлагали частную медицинскую практику. Должен сказать, что значимость фельдшера в дореволюционное время, в провинциальном, уездном городке, была невероятно высокой и выгодной в материальном положении. Мать Максима Васильевича упала в ноги сыну и молила его не делать такого шага, а когда он решительно отказался выполнить ее просьбу, она сказала, что проклянет его. Видимо перспектива, проклятия матери удержала сына от выполнения профессионального долга. Желание матери, скорее всего, диктовалось опасением провести остаток жизни в одиночестве. Уедет сын в Рыльск – что ей делать одной в деревне? Максим Васильевич стал, хоть и редко, но злоупотреблять спиртными напитками. Земли было мало, а кормить семью надо.

Земля, кормилица моя,  
Ее всегда недоставало,  
И вся крестьянская семья  
О ней мечтала.

Крестьянин груб с детьми, женой,

Почтителен он с Богом,  
А вот, любовь его с землей,  
Нам говорит о многом!

Руками мнет, вдыхает запах,  
Потом берется и за плуг.  
И, кажется, землей пропах он,  
Она – и счастье, и недуг.

Он за нее пойдет в огонь,  
И будет смертно биться,  
Родимую, ее не тронь,  
Она его – земляца!

Семья растет, растут сыны,  
А где им взять наделы?  
Ночь подойдет – и тяжки сны,  
Чтобы такое сделать?

По окончании полевых работ он отправлялся с товарами, взятыми у местного купца Котельникова М. М., по югу России, Товар был простым, но нужным в крестьянском хозяйстве: косы, серпы, мыло, клеенка. Если у покупателя не было денег на покупку, товар продавался в долг, Покупатель в специальной тетради против своей фамилии ставил свою подпись, а если был неграмотным, то ставил отпечаток своего большого пальца правой рука. После уборки урожая и продажи его крестьянами, у тех появлялись деньги, чтобы рассчитаться за купленное в кредит.

Мой дед отправлялся вновь в путь, это называлось править долги. Такие поездки давали около 20—25 рублей дохода, а это стоимость двух коров по ценам того времени.

Повсюду возникал извоз,  
Сезонная работа,  
Крестьянский движется обоз,  
Возьмут ли где-то, что-то?

Жара дурманящая, в воздухе пыль,  
Катится деда подвода  
Справа и слева – бурьян, да ковыль,  
Чаша небесного свода.

Рот пересох, струйками пот,  
Рубахой его вытирает.  
Пора бы поесть, подтянуло живот,  
Он о еде намекает.

Степь под Тамбовом, Царицын и Сальск,  
К ним добирался сквозь степи,  
А дома семейка его осталась —  
Жена и любимые дети.

Вдали на пригорке большое село,  
Продаст там клеенку и косы,  
В калмыцкие степи его занесло.  
Куда его только не носит.

Сложное материальное положение семьи Мелиховых, заставило и мою бабушку, Анну Евгеньевну, искать побочные заработки, и тут, она воспользовалась Божьим даром излечивать недуги страждущих людей. Теперь, будучи преклонного возраста, и являясь врачом-патологоанатомом, я понимаю, что бабушка использовала приемы лечебного массажа (я в детстве испытал его, когда она у меня лечила лакунарную ангину, после того, как все медицинские средства, рекомендованные врачами, облегчения не давали), многие травяные настои. Все это сопровождалось чтением молитв бабушкой и при полном отсутствии посторонних лиц, в том числе и родителей.

И дед Максим не досыпал,  
И бабушка трудилась,  
Ей Бог такое чувство дал,  
Когда ему молилась —

Снимала хворь своей рукой,  
Настоем и отваром,  
Нарушен в доме был покой,  
(Трудилась хоть не даром).

Она могла в глухую ночь,  
Не предъявив условий,  
Идти к больному и помочь  
Всем лицам, всех сословий.

И слава по селу плыла —  
Ее повсюду ждали,  
Но с бедных денег не брала,  
Богатые – давали!

Зерно, муку, пшено и мед,  
Платки, отрезы ситца.  
Коли от сердца, то берет,  
От злобы – не годиться!

Бывало, скажет: «Бог мог дать,  
И дал мне без оплаты,  
С людей я деньги стану брать,  
Дар заберет обратно!»

В селе не было акушерки, бабушка принимала новорожденных, и у бедных, и у богатых, а за это полагались подарки, чтобы дитя было живым и здоровым, Подарки порой были богатыми. Она ухаживала и за больными сыпным и брюшным тифом. Дед Максим так боялся, что она принесет заразу в дом, на что бабушка отвечала: «Все в руке божьей, не даст, не заболею!»

И что удивительно, тифами переболело все село, за исключением семьи Мелиховых. Бабушка заразы домой не принесла. Впрочем, забегая вперед, скажу, что она за свои прожитые 104 года никогда ничем не болела, не было у нее ни насморка, ни простудного заболевания. Бывали случаи, когда заработки иссякали, тогда собирали мою мать, Наталью (она была малым ребенком), и направляли к Беловым. Обували в разбитые ботинки, зная, что дед Евгений не отпустит внучку, не починив их. Мать моя была смышленным и льстивым ребенком. Приходя к своим дедушке и бабушке, она никогда не начинала с просьб, а начинала с того, что предлагала бабушке и дедушке поискать в их головах (по-видимому, насекомых). В крестьянских семьях тогда это было принято. Занимались этим, перебирая и разглаживая волосы и тогда, когда в головах и не было насекомых. Надавав ей за заботу орехов, жареных семечек и конфет, ее отправляли назад, домой, дав требуемую сумму. Истине ради, возврата сумм не наблюдалось. Семья Мелиховых, кроме родителей, насчитывала пятеро крепких и здоровых детей: двух сыновей, Ивана и Михаила, и трех дочерей – Пелагею, Наталью и Ирину. Дети выросли. А тут подошла и революция, и вслед за ней гражданская война... Сыновья Иван и Михаил пошли в Красную армию (уговорил их сделать это мой отец – Котельников. Петр Иосифович). А старшая дочь Пелагея вышла замуж за офицера царской армии. Дед, как один из самых грамотных на селе, был избран старостой. Тут ему пришлось довольно туго, слишком уж часто менялась власть на селе. Когда в село входили красные, дочь Пелагея бежала из села Пушкарное в село Жадино со своими пожитками, а дед ходил «kozyрем», два сына в Красной армии – это факт. Когда приходили белые, защиту оказывала родня со стороны зятя, белого офицера. Иногда бывало и так, что приходили такие, каких ни к красным, ни к белым отнести было нельзя. Об одном таком случае, я и расскажу, он произошел в 1919 году в январе месяце

Ну, и беда, ну, и беда,  
Сегодня – комиссары,  
А завтра – белые сюда, —  
Иди на правеж старый!

Чего услышать довелось  
И довелось увидеть,  
То бросит в пот, то бросит в дрожь,  
Куда тут – ненавидеть!

И те свои, и те – свои,  
Крещенный русский люд,  
Меж ними зло, идут бои,  
Расстреливают, бьют.

Сыны за красных – дай ответ,  
Когда ворвется белый, —  
«Куда послал их старый дед?  
Жить, может, надоело?»

Рывком откроет красный дверь,  
Кричит на старика:  
«Где зять твой, белый офицер?  
Не хочешь ль кулака?»

Вот и вчера пришли сюда,

В холодный зимний вечер,  
Такие злые господа.  
А потчевать их нечем:

Пошарили в печи шестом,  
Заглянули в камору,  
Ну, что найти в ларе пустом?  
Еду не сварить скоро!

«Ты староста, скажи-ка нам,  
Кто белый здесь, кто красный?»  
«Хоть поищите по домам,  
Искать их здесь напрасно!

И тех, и тех сегодня нет,  
Друг с другом где-то бьются»...  
«Ты не лукавишь, старый дед?  
Что отлегло?» Смеются.

Тащили в избу самогон,  
Тащили хлеб и сало,  
Село обшарили кругом —  
Повеселее стало.

Напились здорово, ушли,  
Потом опять явились,  
Мужчину хилого нашли,  
Куражились и били.

Сначала он кричал, стонал,  
Куда бедняге деться?  
Потом лишь головой мотал.  
(Заставили раздеться)

За что пытали? Он – не их?  
Он не стрелял, не бился,  
Отстал, возможно, от своих?  
И от врагов не скрылся?

Луна сквозь облака плывет,  
Высокий снег и топко.  
На речку выбрались на лед —  
Вон к проруби и тропка.

Столкнули в прорубь. Он нырнул,  
Мгновенье – появился,  
Он долго, долго не тонул,  
За лед хватался, бился,

Потом нырнул, и его нет...  
Дед потом обливался.  
«Не хочешь ли поплавать дед?» —  
Бандит, сказав, смеялся.

Но, видно, что не вышел срок  
И деда отпустили...  
Вернулся дед и занемог,  
И говорить не в силах.

С каждым днем Максим Васильевич слабел, все чаще оставался дома, а в теплое время года сидел в саду и курил самокрутку. Наступил день, когда он уже не смог скрутить ее и попросил сделать это дочь Наталью. Та скрутила, раскурила и дала отцу, он потянул и бросил со словами:

«Больше уже не надо!»

Дочь, не поняв отца, сказала:

«Вот и хорошо! Мать больше не будет ругать за табак!»

На что, он ответил:

«Да, больше ей не придется меня ругать!»

В этот день он умер. Причина смерти предположительно — рак пищевода. Было это в 1921 году.

Бабушка Анна Евгеньевна (Белова) после смерти мужа оставалась с младшим сыном Михаилом. А потом, в 1930 году вместе с его семьей поехала в гор. Керчь. Михаил Максимович устроился работать в селе Тобичик, а бабушка осталась с дочерью. Долгие годы она жила, как член нашей семьи. Она мне запомнилась сухой, чрезвычайно подвижной старушкой. Сколько я ее знал, у нее не было зубов, но черты лица оставались красивыми, несмотря на западение рта. Ела она пищу такую, как и все. Ножом при приеме пищи не пользовалась, эту роль выполнял довольно длинный ноготь большого пальца правой руки. Бабушка никогда ничем не болела. Никаких несварений желудка или еще каких-нибудь расстройств. Не знала она и простудных заболеваний. Из всех внуков самым любимым был Виталий, мой брат, а самым нелюбимым я. Чаще всего меня звала — «Германцем!» Вся свою сознательную жизнь я помню ее, копошащейся у плиты. Ее коронными блюдами были борщ, рассольник, каши, в том числе и тыквенная, а также картошка во всех видах, из пирожков, которые она пекла, предпочитала с тертым маком и горохом. Нередко она готовила и галушки. К спиртному относилась хладнокровно, но пару рюмок выпить могла. Часто вспоминала проделки выпившего мужа. Я запомнил несколько. Они потрясающи. Случалось это тогда, когда дед отправлялся на ярмарку. Распродав нехитрое крестьянское добро: холсты, часть зерна, да приложив к ним деньги полученные за работу у купца Котельникова, при торговле товарами (извоз), дед покупал ситец женщинам на сарафаны, деготь, обувь, потом отправлялся в трактир. Там покупал две бутылки водки, заказывал самовар чаю, крендели к нему. Сало и хлеб всегда были при нем в достаточном количестве. Одну бутылку водки и самовар чаю он выпивал в трактире, вторую прятал в саях и выпивал на половине пути. А после... Его водили черти. Однажды по пути он увидел знакомого парнишку, позвавшего его. Дед пошел за ним, а уж вернуться назад не смог. Только на следующее утро, его, трезвого вызволяли из болота, бросив ему связанные вожжи туда, где он сидел на большой купе (кочке). Как он туда забрался, никто понять не мог, ведь вытаскивать пришлось, бросив ему конец от вожжей. То его ночами кружило от одного села к другому, то он шел с приятелями, игравшими на гармошке — и оказывался одиноким в лесу. Отрезвление наступало, после наложенного крестного знамения. Одному случаю, сама бабушка была свидетельницей. Возвращаясь из Рыльска, они подъехали к копани

(так назывались глубокие ямы неподалеку от берега реки, в которых вымачивалась конопля, чтобы не травить воду реки ее настоем. Около копани стояли «копицы» (небольшие копны) уже извлеченной конопли. Дед снял с головы картуз, раскланялся перед «копицами», говоря:

– Здравствуйте, господа общественники! – И возмущаясь их молчанием, добавил в сердца – Да я вас, хамы, сейчас!.. Размахнувшись кулаком он нанес удар по копице...

Бабушка до слез смеялась, сидя на возу.

Дрова рубила бабушка сама, отобрать у нее топор было невозможно. Только она затапливала печь, или плиту. Вспоминается, чуть не ставший трагичным случай. Нас было двое дома. Дров было мало, плита едва теплилась. В квартире холодно – хоть собак гоняй! Я расколол толловую шашку, без взрывателя на маленькие кусочки и подбрасывал по одному в плиту, они плавилась и горели огнем, выделяя черный дым. Бабушка решила весь тол бросить в плиту, я едва успел его выхватить, воскликнув: «Бабушка не делайте этого, если его туда бросить весь, то ни нас с вами, ни дома не будет» После этого они ничем, кроме артиллерийского пороха не пользовалась, разжигая им плиту. Вспоминается случай, когда толловой шашкой она хотела постирать белье, и удивилась, что мыло не мылится.

Сопровождала нас во всех поездках по городам и весям.

Перенесла все бомбежки, все переходы, совершаемые нашей семьей, говоря, что ей есть о чем рассказать на том свете родственникам. Когда мать уехала с отцом из Керчи, обменяв квартиру на Симферополь, бабушка переехала туда. Я помню, как мне трудно было ее доставить с железнодорожного вокзала на квартиру по ул. Чехова 34. Она наотрез отказалась садиться на трамвай, сказав, что его двигает нечистая сила, ибо мотора она не видела. Пришлось бабушку везти на такси. Уже, живя в Ливнах, я узнал, что бабушка умерла в возрасте 104 года, проживала она последнее время в Керчи, у старшей дочери Полины. Занедужила она после смерти сына Михаила Максимовича. Я на похоронах не был. Она на два года пережила возраст своего отца. Отец Анны Евгеньевны умер 102 лет, а ее бабушка 115 лет, в этом возрасте у нее были все зубы, только она за год до смерти ослепла. Старший сын Иван еще при жизни отца отделился женившись. Анна Евгеньевна вначале жила с сыном Михаилом, а потом, с 1929 года, после замужества дочери Натальи с Петром Котельниковым она стала жить с ними, и ее биография совпадает с биографией семьи Котельниковых, Бабушка побывала и в гражданском немецком концлагере. Умерла бабушка в г. Керчи в 1954 году, в возрасте 104 лет. Кстати, два ее старших брата были заколоты штыками немцами, когда ими была оккупирована Курская область, за связь с партизанами. Возраст их был: одному 103, другому 106 лет.

Анна Евгеньевна была глубоко верующим православным человеком. Где бы она ни находилась, она не забывала молиться два раза в сутки. Вечернее моление длилось не менее часа. В своих молитвах она не забывала ни одного из живущих, не забывала она и покойных.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.